

В. Головнин

**Записки флота капитана Головнина о
приключениях его в плену у японцев**

В 1811, 1812 и 1813 годах Часть 2

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В. Головнин
В11 Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев: В 1811, 1812 и 1813 годах Часть 2 / В. Головнин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 212 с.

ISBN 978-5-458-07938-9

Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Напечатаны по Высочайшему повелению. Часть 2

ISBN 978-5-458-07938-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА.

Надобно знать, что весь обширный остров *Матсмай* покрытъ кряжами высочайшихъ горъ; низменные долины находяща полько при берегахъ, и занимающъ небольшое пространство отъ моря до подошвы горъ, которыя послѣ возвышаются постепенно хребтами, раздѣленными между собою глубокими лощинами и такъ, что одинъ хребетъ выше другаго; дошедъ на послѣдокъ до чрезвычайной высоты, они продолжаются по всему острову, мѣстами нѣсколько понижаясь, а индѣ опять возвышаясь. И пошому вся внутренняя часть острова необитаема; а селенія, какъ *Японскія*, такъ и *Курильскія*, находяща полько по берегамъ. Мы начали подниматься на горы вершахъ въ пяти отъ морскаго берега и старались, гдѣ мѣста позволяли, идти прямо къ сѣверу, направляя путь свой по звѣздамъ. При подъемѣ на первую гору, я уже спалъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ жестокою боль въ ушибенномъ колѣнѣ, которое вдругъ опухло чрезвычайнымъ образомъ. Когда мы шли по ровному мѣсту, то съ помощію палки, я могъ слегка спущать больною ногою,

и чрезъ то боль нѣсколько уменьшалась, но поднимаясь вверхъ или идучи по косоугору, по необходимости должно было и больною ногою упираться; тогда уже боль дѣлалась нестерпимою. Припомъ не бывъ въ состояніи равно идти обѣими ногами, я скоро уснулъ и почти вовсе выбился изъ силъ; почему поварищи мои принуждены были каждые полчаса оспанавливаться, чтобъ дать мнѣ время отдохнуть и облегчить хотя немного больное колѣно. Намѣреніе наше было, прежде разсвѣта достигнуть до покрытыхъ лѣсомъ горъ, дабы имѣть способъ скрыться въ ономъ отъ посковокъ непріятеля; ибо *Японцевъ* мы должны были теперь считатьъ непримиримыми себѣ врагами. Когда мы прогуливались въ долинахъ окружающихъ городъ, то лѣсъ казался недалеко, но путь узнали опытомъ сколь мы обманулись, ибо прямой пропинки къ нему мы не сыскали, а поднимались гдѣ могли; почему иногда, по причинѣ весьма темной ночи, не бывъ въ состояніи видѣть предметы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, приближались къ шакой крутизнѣ, что подыаться на оную не было средствъ; въ такомъ случаѣ мы принужденными находились идти по косоугору не впередъ, а въ сторону, въ ожиданіи встрѣчи удобнаго подъема; понавъ же на оный, тотчасъ опять карабкались вверхъ, пока не встрѣчали новыхъ препятствій. Такимъ образомъ мучились мы болѣе трехъ часовъ; наконецъ поднялись на высокій хребетъ горъ и пошли по ровной вершинѣ онаго къ сѣверу; но судьбѣ угодно было вездѣ поспавлять намъ препятствія и затрудненія: мы

доспигли шеперь шакой висошы, гдѣ мѣстами лежалъ снѣгъ на большое проспранство, а какъ по снѣгу иди намъ было невозможно, ибо *Японцы* наспигли бы насъ по слѣду, по выбирая чистыя мѣста, гдѣ снѣгу не было и не видя, далеко ли впередъ онѣ просшираются, мы принуждены были ходить изъ спороны въ спорону, а иногда и назадъ ворочашься; опъ чего мы исходили очень больше разспоянiе и измучились, но впередъ подались мало. Напослѣдокъ, за часъ до разсвѣша, вышли мы нечаянно на большую дорогу, по кошорой *Японцы* вѣзашъ съ вьюнными лошадыми изъ города въ лѣсъ за дровами, опъ чего дорога сiя избиша лошадыными копышами и людскими слѣдами, припомъ и снѣгу на ней не было; слѣдовашельно *Японцы* нашихъ слѣдовъ никакъ примѣшить не могли; вела же она прямо на сѣверъ къ лѣсу, и лежала по ровной вершинѣ горнаго хребша. Мы весьма обрадовались шакой вспрѣчѣ и удвоили свой шагъ; шеперь, идучи по ровному мѣсту, я кошя и чувшвовалъ въ колѣнѣ и даже во всей ногѣ жестокою боль, но оную въ сравненiи съ шѣмъ, что испышалъ я, поднимаясь на горы, можно было назвашъ великимъ облегченiемъ. Мы думали уже скоро доспигнуть дремучаго лѣсу и располагали, забравшись въ чащу онаго, опдыхашъ тамъ цѣлый день, но машрозъ *Васильевъ* оглянувшись вдругъ сказалъ; за нами гоняшъ на лошадахъ съ фонарями, и съ сими словами бросился съ дороги въ лощину! Взглянувъ назадъ, мы увидѣли нѣсколько огней, показавшихся весьма близко; шогда и мы послѣдовали за нимъ, и начали спускашъся

по крушизнѣ въ глубокую лощину. Долго мы спускались, не находя ни лѣсу, ни кустовъ, гдѣ можно было бы спрятапья, а между тѣмъ уже разсвѣшало; если бы тогда былъ день, то насъ можно бѣ было видѣшь со всѣхъ окружныхъ горъ, а скрышься было нѣгдѣ. Наконецъ спустились мы на самой низъ пространной лощины, со всѣхъ споронъ окруженной почти голыми горами; въ лощинѣ лежало еще много снѣгу, но мѣспа, гдѣ бы можно было скрышься, мы не находили, а день уже наспаль. Нѣсколько минушь спояли мы на одномъ мѣстѣ, озираясь кругомъ себя и не зная, что намъ предпринять; напоследокъ усмошрѣли въ одномъ каменномъ ушесѣ ошвершпѣ; и подойдя къ оному, нашли, что тушь была небольшая пещера, въ кошорой мы едва всѣ помѣсппшься могли. Подлѣ самой сей пещеры лился съ горы большой водопадъ и выбилъ въ снѣгу подъ нею яму до самага дна лощины, фушовъ на десять. Къ пещерѣ подошли мы по снѣгу, ибо въ этомъ углу рышвины весьма много его набишо было; она находилась въ ушесѣ, сажени на полшоры опѣ низу лощины и водопадомъ снѣгу было сполько выбишо, что мы едва могли съ помощію небольшого деревца у самага ошвершпѣя пещеры споявшаго, ухвашь за оное, шагнущь въ нее; малѣшная неосторожность (или если бы корень деревца былъ слабо ушвержденъ въ расщелинѣ, изъ кошорой оно выросло) могло бы повергнушь кого нибудь изъ насъ въ выбишую водопадомъ яму, перемочило бы его до нишки, да и выкарабкашья ошшуда было бы ему шрудно; а мнѣ съ больною ногою

моею и вовсе невозможно; однакожь, благодаря Бога, мы всѣ благополучно вошли въ пещеру. Сидѣшь намъ было очень непросторно, а припомъ и жестко, ибо *гротъ* нашъ до половины былъ наполненъ плитникомъ, изъ коего вся гора состояла, и кошорый лежалъ въ безпорядкѣ: многія плиты высунулись вверхъ краями и углами; а хуже всего было то, что мы почти не смѣли пошевелишься и принуждены были съ величайшею осторожностію перемѣнять положеніе тѣла, потому, что дно пещеры было покато къ ямѣ, водопадомъ сдѣланной, а плитникъ мѣлокъ и сыпучъ, такъ что мы съ часу на часъ ожидали, что онъ покашится совсѣмъ и съ нами въ рышвину. И такъ мы не могли ни лечь, ни пропянушься, а только съ одной стороны на другую облакачивались. Впрочемъ убѣжище наше было очень скрышно. *Японцы*, не подойдя вплоть къ оному, никакъ не могли насъ видѣшь, а къ щасію нашему весьма холодный упренникъ такъ скрѣпилъ снѣгъ, что слѣды наши на немъ не были примѣшны. Намъ безнокоилъ только одинъ случай, кошорому виною былъ поварищъ нашъ *Шкаевъ*: когда мы уже спускались въ лощину, онъ поперялъ колпакъ свой, сшитый имъ на дорогу изъ шерстянаго *Рускаго* чулка. *Японцы*, нашедъ оный, шомчасъ увидѣли бы, что эта вещь изъ нашего *гардероба* и могли бы къ намъ добратъся. Припомъ надобно сказать, что мы также опасались, чибобы снѣгъ у нашего выхода изъ пещеры въ теченіе дня онъ дѣйствія солнечныхъ лучей не спаялъ въ большомъ количествѣ; тогда намъ уже невозможно было бы ояшь выдши вонъ,

ибо поупру, какъ я выше сказалъ, мы и въ пещеру съ прудомъ могли влѣзть. Въ такомъ положеніи мы просидѣли до самаго захожденія солнца, разговаривая о своемъ состояніи и о будущихъ нашихъ предпріятіяхъ. День былъ весьма ясный, но солнечные лучи къ намъ не проникали, а сосѣдъ нашъ водопадъ еще болѣе охлаждалъ окружающій насъ воздухъ, отъ чего иногда едва зубъ на зубъ у насъ попадалъ. Въ теченіе дня мы часто слышали удары шопоровъ въ лѣсу, который шеперь былъ уже не очень далеко отъ насъ, а передъ захожденіемъ солнца мы, выглядывая изъ пещеры, видѣли на горахъ много людей. Впрочемъ особенно примѣчательнаго ничего не случилось, какъ развѣ то, что въ одно время услышали мы шорохъ, какъ будто бы кто спускался къ намъ съ горы; шорохъ увеличивался и приближался; мы ожидали уже каждую минуту увидѣть отрядъ солдатъ, насъ преслѣдующихъ, и готовились защищаться и отбиться, буде можно, но вдругъ явился дикой олень, который лишь только открылъ по духу, что мы отъ него близко, въ мигъ отъ насъ скрылся.

Когда появились на небѣ звѣзды, мы вышли изъ пещеры, и стали подниматься на высокую гору къ северу, которая отчасти была покрыта мѣлкимъ рѣдкимъ лѣсомъ. Въ это время состояніе мое было самое ужасное: сидя въ пещерѣ я старался держать большую свою ногу почти всегда въ одномъ положеніи и она меня неслишкомъ беспокоила; но когда мы пошли, а особенно, когда стали подниматься на гору, тогда боль, не

только въ одномъ колѣнѣ, но и по всей ногѣ опъ пяп-
 ки до поясницы сдѣлалась неспернимою. Я видѣлъ,
 какое мученъе долженъ былъ перенести, поднявшись
 на одну эту гору, но что будешь далье? Сколько разъ
 еще намъ надѣбно будешь спускашься въ пропасти и
 поднимаешься на утесы? а общояшельства пребовали,
 чтообъ мы скоро шли. Я чувствовалъ, что дѣлалъ
 большую помѣху своимъ товарищамъ и могъ бытъ при-
 чиною ихъ гибели, и пошому спалъ просить ихъ име-
 немъ Бога оставишь меня одного умереть въ пустынѣ,
 но они на это никакъ согласишься не хотѣли. Я пред-
 славлялъ имъ, что видно судьбѣ угодно уже, чтообъ я
 погибъ здѣсь, ибо при самомъ началѣ нашего покушенія
 я сдѣлался неспособнымъ имъ сопутствовать, и пакъ
 почему же имъ, бывъ въ полномъ здоровѣ и въ силахъ,
 безъ всякой пользы для меня, погибашъ со мною самимъ;
 когда они могутъ еще завладѣвъ судномъ спасишься и
 достигнуть *Rossii*. Что же принадлежишь до меня,
 что слѣдуя за ними, я долженъ только буду и ихъ за-
 держивашъ и самъ претерпѣвашъ лишнее мученъе; рано
 или поздно они должны же будешь меня оставишь и
 пр. Однакожь они прозбы моей не уважили, а говори-
 ли, что покуда я живъ, что не оставяшь меня, и что
 они готовы каждую четверть часа останавливашъ
 и давашъ мнѣ время отдыхашъ, а когда достигнемъ
 безопаснаго мѣста, что можемъ побышь шамъ дня два
 или три для отдохновенія и поправленія больной моей
 ноги; сверхъ того матрозъ *Макаровъ* вызвался самъ
 добровольно помогашъ мнѣ при подъемахъ на горы, ша-

кимъ образомъ, чѣобы я шелъ за нимъ и держался за его кушакъ. И такъ я рѣшился, прешерпывая ужасное мученье, слѣдовать за моими поварищами, но уже, можно сказать, не шелъ, а *Макаровъ* пащилъ меня. Поднявшись на первую гору, достигли мы ровной вершины ея, покрытой высокою прошлогоднею правою и мѣлкимъ расщѣпиемъ дерева *бамбу*. Ошдохнувъ нѣсколько времени пошли мы по вершинѣ, направляя путь свой по звѣздамъ къ сѣверу. Ночь была шихая и свѣплая; мы хорошо видѣли вдали превысокіе хребты, снѣгомъ покрытые, копорые надлежало переходить. Тотъ хребтъ, по вершинѣ коего мы шли и слѣдующій за нимъ, были раздѣлены преужасною лощиною, столь глубокою, что мы никакъ не могли рѣшиться ночью спускашьяся въ оную, опасаясь, чѣобы не зайши въ шакую пропасть, изъ копорой и назадъ выбратьяся будетъ шрудно; а пошому вмѣсто того, чѣобы идиши къ сѣверу, пошли мы вдоль лощины на западъ, въ надеждѣ встрѣпшишь горы, соединяющія сіи два хребта; да и въ самомъ дѣлѣ недолго мы находились въ безпокойствѣ, и скоро нашли какъ будшо наречно искуспвомъ сдѣланную площину, копорая лежала прямо поперегъ всей лощины и соединяла оба хребта; она очень походила на дѣло рукъ человѣческихъ, и шолько одна огромность ея показывала, что она естѣ швореніе природы. Спускаясь на сей переходъ, увидѣли мы два шалаша, онѣ коихъ происходилъ изрѣдка свистъ, шочно шакой, какимъ у насъ маняшть перепеловъ; мы, присѣвъ въ праву, долго слушали, желая удостовѣрншьяся, пшца ли это иди охощники

сидѣвшіе въ шалашахъ. Наконецъ рѣшились идти къ нимъ, полагая, что ихъ не можешь быть такое число, съ копорымъ не могли бы мы управиться; но подойдя поближе, увидѣли, что ночью два костра жердей намъ показались шалашами. Взявъ изъ нихъ по одной жерди вмѣсто копій, пошли мы далѣе, а перейдя на другой хребетъ, попали на большую дорогу, ведущую къ сѣверу, по копорой возяшъ дрова и уголь на вьючныхъ лошадяхъ въ городъ; между шѣмъ мы примѣнили, что нынѣшнюю весною иже еще по ней не ѣздили; хотя вездѣ кругомъ насъ видны были огни, происходившіе отъ жженія угля въ ямахъ. Продолжая идти по найденной нами дорогѣ, начали мы встрѣчать мѣлкій густой лѣсъ и большую праву, и потому, когда время было уже за полночь, мы вздумали отдохнуть, забравшись въ чащу, ибо сидя въ пещерѣ на оспрыхъ каменьяхъ, мы ни на минушу даже задремать не могли. Проспавъ часа два, а можешь быть и болѣе, пошли мы далѣе по дорогѣ, копорая съ вершины хребта повела насъ разными кривыми излучинами въ преглубокую долину; спустившись шуда на самый низъ, пришли мы къ небольшой рѣчкѣ, копорая была мѣстами покрыта льдомъ и глубокимъ снѣгомъ, но онъ былъ столь твердъ, что могъ насъ поднимать. Тутъ мы потеряли свою дорогу, и потому перешли по снѣгу чрезъ всю долину поперекъ оной, къ подъему на слѣдующій хребетъ, въ то мѣсто, гдѣ по нашимъ догадкамъ, ожидали мы найти продолженіе потерянной нами дороги; однако жъ большой дороги сыскать не могли, а карабкаясь на гору попали на небольшую пропину. Под-

нимаясь по оной, взошли мы на вершину хребта, который былъ выше всѣхъ пѣхъ, кои мы прошли, и какъ мы лѣзли весьма шихо, оспанавливаясь припомъ очень часто для ошдохновенія, по вершины сего хребта достигли передъ самымъ почти разсвѣтомъ, и нашедъ шущъ удобное мѣсто для дневанья, мы расположились оспашься на весь день; для сего мы умяли въ густой чащѣ горнаго проспнику (или мѣлкое расшѣнне *балбу*) на шакое проспраншво, на которомъ бы намъ всѣмъ можно было лечь вплошь одинъ къ другому, дабы хоща симъ средшвомъ немного согрѣшья, ибо упро было очень холодное, а мы одѣшы были неслишкомъ шешло; но и двухъ часовъ, я думаю, мы не въ состояннн были пролежашь, а спашь почти и вовсе не могли: шшоль много безпокоила насъ спужа. Лишь полько насшалъ день, мы всшали и ошосрѣли всѣ предметы, окружавшіе насъ; мы находились на превысокой горѣ и со всѣхъ споронъ были окружены хребтами высокихъ горъ; шѣ изъ нихъ, которые находились ошъ насъ къ полуденной споронѣ, были ниже шого хребта, на которомъ мы расположились, а находившіеся къ сѣверу несравненно его превышали. Впрочемъ, кромѣ неба, горъ, лѣсу и снѣгу, мы ничего не видали, но снн предметы имѣли весьма величешвенный видъ. Примѣшнвъ, что всѣ вершины хребшовъ были покрышы небольшою мрачношю, мы заключили, что если у насъ будешъ огонь, шш со окружныхъ горъ, нельзя разсшрѣшь дыму; почему согласились развешн оный между проспникомъ, чшобъ по-